

**ВЕРБНОЕ
ВОСКРЕСЕНЬЕ**

В церкви полагается думать о вечном, только в тот день как-то это плохо получалось. Я тогда еще не знал, что земля вот-вот разверзнется у меня под ногами, но она уже предательски дрогнула.

Вообще-то я люблю наш собор Святого Патрика, зажатый между 5-й и Мэдисон-авеню давно переросшими его зданиями. Снаружи ты видишь только псевдоготический новодел. Однако внутри собор легкий, залитый мягким светом, и, несмотря на лаконизм декора, я иногда даже забываю, что я в Нью-Йорке, а не в Старом Свете. Ну, когда не смотрю на галерею, с которой и здесь по праздникам свисают звездно-полосатые полотнища.

Сидящие справа от меня Джессика и Бобби встали, и я поднялся вслед за ними. Все вокруг встали.

— Господи Иисусе Христе, — мягким, проникновенным, как это принято у католиков, голосом говорил, если не ошибаюсь, сам архиепископ. В честь праздника служил он и еще человек двадцать клириков. — Ты сказал апостолам Своим: мир Мой оставляю вам, мир Мой даю вам.

Мир! Мир-то да, то есть весь свет. Только мира в нем для меня больше нет. Дернуло же меня перед уходом проверить почту в своем айфоне. Что за сюрприз мне уготован? В том, что будущее не предвещает ничего хорошего, уверенность была полная.

— Аминь, — произнес я вместе со всеми, когда священник, соединив руки, закончил молитву.

Как же мне теперь улизнуть? Мы собирались после мессы пойти всем семейством поесть суши в японском ресторане на 49-й улице. Но растягивать пытку мне не хотелось.

— Мир Господа нашего да пребудет с вами.

Священник говорил в микрофон, и казалось, что он беседует один на один с каждым из прихожан. Только не все его слышали.

— И со духом твоим, — на автомате вместе с другими откликнулся я.

— Приветствуйте друг друга с миром и любовью.

Джессика потянулась ко мне с такой нежностью, что я даже забыл о своих тревогах. «Господи, за что ты наградил меня?» — в тысячный, в стотысячный раз удивился я, целуя ее щеки в россыпи веснушек. И Бобби, мой маленький мальчик Бобби, который в этом году окончит университет, с улыбкой потерял о мою щеку своей небритой.

Я так и не придумал, под каким предлогом мне смыться, но меня выручил сын.

— Слушайте, народ, — смущенно сказал он, когда мы вместе с толпой вышли на улицу через тяжелые бронзовые двери. — Может, мы лучше поужинаем вместе? Мне бы сейчас хорошо отойти на пару часов.

— Если тебе предстоит что-то приятное, — тут же, хотя и с условием, согласилась Джессика. — Но если ты просто-напросто собираешься в библиотеку, почему не сделать это после обеда?

Бобби посмотрел на меня: в его планы явно не входило обложиться книгами. Я бросился на выручку сыну:

— Я плохо понимаю, что же такого неприятного может ждать человека в библиотеке. Но в принципе я тоже за ужин. Я бы как раз перехватил Пола Черника.

Пол — давно уже наш друг, но и по-прежнему партнер. Он страшует ненормальных дельтапланеристов, сёрфингистов, скалолазов, спелеологов, дайверов и прочих экстремалов, которых мое туристическое агентство рассылает по всему миру в поисках ощущения настоящей жизни. Пол недавно развелся и, вместо того чтобы насладиться неожиданным даром свободы, часто работает в своем офисе по выходным. Он так борется с переживаниями. К тому же он иудей, и Вход Господень в Иерусалим к числу его праздников не относится.

— Если совсем честно, — призналась Джессика, — меня это тоже устраивает. Мне нужно дочитать рукопись, а семейные обеды так расхлаживают.

Джессика работает редактором в крупном издательстве, выпускающем в том числе воспоминания бывших шпионов. Я их тоже с удовольствием почитываю, оправдывая тем самым перед знакомыми свои познания в отдельной области человеческой суеты. Работает моя жена почти исключительно дома, но по утрам. Ее созидательной энергии хватает до обеда, потом она ходит по музеям и художественным галереям, встречается с подругами или занимается домашними делами.

— Ничего, что добрые христиане собираются работать в воскресенье, тем более Вербное?

Это во мне говорит моя профессиональная извращенность. Я уже понял, что все для меня складывается как нельзя более удачно и врать дальше не придется, поэтому делаю вид, что не очень-то и рад, что обед не состоится.

— А кто сказал, что я собираюсь работать?

Бобби чмокнул мать в щеку, хлопнул меня по спине и, пока мы не передумали, был таков. Он в наших поездках по Европе пристрастился к скутерам, мода на которые в Штаты так и не пришла. Так что теперь, куда бы он ни направлялся, у него на согнутой руке всегда висит черно-серый шлем. Вот он освободил своего боевого коня, прикованного за колесо к чугунной решетке, скрыл голову под своей защитной скорлупой и, отъезжая, махнул нам рукой. Джессика укоризненно покачала головой: ей кажется, что вести скутер одной рукой на скорости десять километров в час — безумное лихачество.

Мы с ней приехали на такси — единственно возможном виде транспорта на поверхности Манхэттена, не считая роликовых коньков. Метро моя жена не любит: там мрачно, шумно и всюду липкие поверхности. Обняв Джессику, я довел ее до Мэдисон-авеню и, поцеловав, доверил таксисту-сикху с седой бородой и в зеленой чалме.

А сам повернул на юг, к Центральному вокзалу. Я прошел несколько кварталов, избегая отели и всякие «Старбакс кафе», где вайфай есть, но заходить в интернет нужно будет со своего смартфона. Что я, естественно, и без вайфая могу сделать, по 3G, но мне важно как раз использовать чужой вход в сеть. Наконец, уже перед самым вокзалом, я нашел в боковой улочке то, что нужно. Это была обычная «дели», то есть бакалейная лавка, с кофемашиной и парой компьютеров. Я взял себе эспрессо, заплатил за пятнадцать минут соединения и взгромоздился на высокий стул лицом к улице. Четверти часа для плохих известий обычно хватает.

В девять утра, пока Джессика примеряла строгую одежду, чтобы пойти в церковь, я залез в свой айфон, проверяя почту. У меня два личных аккаунта в разных сетях, а также служебный почтовый ящик, куда поступают сообщения для нашего турагентства. Сюда-то и пришла рекламная рассылка новой одежды по каталогу Quelle. Фирма это немецкая, в Штатах малоизвестная, так что такое сообщение незамеченным не пройдет. С другой стороны, речь идет об официальном, очень известном в Европе бренде, потому и подозрений такая рассылка не вызовет. Как она пробирается через спам-фильтры, не знаю, но умельцев в Лесу хватает. Для кого угодно другого появление такой рекламы выглядит как спам особой проникающей способностью, но только не для меня. По нашему с Конторой протоколу это сигнал SOS, сообщающий о возникшей для меня серьезной опасности.

То была стандартная рассылка Quelle, без каких-либо скрытых сообщений. Я ее как получил на айфон, так тут же и удалил. Теперь я с компьютера той бакалейной лавки залез в «Пикасу», гугловское приложение обмена фотографиями по интернету. Интересующие меня альбомы с доступом, открытым для всех, периодически меняются: сейчас на очереди был фоточет о путешествии по Германии некоего или некой

elf89. Что за эльф, определить не удалось бы никому, так как на своих фотографиях путешественник или путешественница из волшебных сказок не появлялись ни разу. Зато среди снимков площадей, соборов, фонтанов, шарманщиков и девочек с воздушными шариками был один, только один, с собакой — симпатичным ньюфаундлендом с газетой в зубах. Он-то мне и был нужен.

Я подсоединил к компьютеру айфон и закачал фотографию себе. Так, на всякий случай вернемся и удостоверимся, что она со страницы «Пикасы» исчезла. Исчезла, умница собачка! Теперь мне нужен был разовый пароль. Этот или эта elf89 подписывал(а), в каком из немецких городов была сделана та или иная фотография. Лишь один из них был обозначен, якобы по недосмотру, с маленькой буквы: bremen. Теперь осталась ерунда: открыть фотографию в специальной программе на моем айфоне и набрать название города в графе «пароль». Фотография исчезла, и в новом окне открылся текст, вписанный в нее совершенно незаметным образом. Фантастика? Ничуть! Теперь такая шпионская технология доступна всем обладателям гаджетов, такие приложения чуть ли не бесплатные. Вы даже другую фотографию можете спрятать таким образом, хоть план ядерного нападения, никто из посторонних ее не раскроет.

Только текст, предназначенный мне, прочесть сможет не каждый. Он состоит из непонятных сочетаний букв, цифр и знаков препинания. Я скопировал его и открыл в другой программе на айфоне. Она тоже выглядит как стандартная любительская, но над ней мои продвинутые коллеги из Конторы хорошо поработали. Чужой человек ее и не запустит — она тут же слетит, как это бывает на яблочных девайсах. А мне — пожалуйста — послушно открылась.

Все подобные меры предосторожности всегда казались мне чрезмерными. Но не сегодня. Потому что текст сообщения, из соображений той же конспирации написанного на английском языке, был такой: «Атлет бежал в Англию. Помнит тебя по 1999 году. План Б. Э.».

Я ведь ждал, что земля уйдет у меня из-под ног. Что я могу провалиться по колено, по грудь, пусть даже по макушку. Но так? Хуже не могло быть ничего. Ну, хуже был бы план А. Он означал бы, что мой провал уже совершился и прямо отсюда, не заходя домой, я должен был укрыться на конспиративной квартире в Челси. И сидеть там пару месяцев, пока все не поутихнет и меня можно будет попытаться вывезти из страны с новой внешностью и новым паспортом через Канаду или Мексику.

Напиши Эсквайр, «Э.», как он подписывает сообщения, просто «Атлет», я бы еще повспоминал, кто это. Но мой предусмотрительный куратор в Конторе дал и две подсказки: Англия и 1999 год. Такое не забудешь: мы с моим другом Лешкой Кудиновым имели все шансы там и остаться — в той стране и в том году. А мне к тому же этот Атлет несомненно и однозначно спас жизнь.

Так что имя его мне вспоминать не надо — Володя Мохов. В сентябре 1999-го, накануне второй войны в Чечне, он работал в Лондоне под прикрытием «Аэрофлота» и был подключен к операции, которую мы проводили там с Кудиновым. На вопрос, что за человек такой-то или такой-то за человек, люди, как правило, отвечают банальностью. Типа «хороший парень». И я бы про Мохова так и сказал. Лишним культурным багажом не обременен, но неглупый и по-человечески симпатичный. Да и профессионал грамотный:

толковый, не ленивый, смелый. В смысле, что смог рискнуть жизнью, хотя с начальством, насколько я помнил, спорить не любил. Однако в Конторе порядки же военные, не зря сотрудникам звания дают.

И вот, получается, хороший парень переметнулся. Как, почему — уже второй вопрос. Важно, что он теперь начнет сдавать с потрохами всех, кого знает. А меня ему тоже вспоминать не надо. Что ему известно? Конечно, доступа к моему оперативному досье в Лесу он иметь не мог, так что предоставить МИ-5 или ФБР, например, мои условия связи он не в состоянии. Да и тогда, в Лондоне, я выступал как Майкл, Миша. Однако — это быстро стало ясно — он знал, что я давно живу в Штатах. Не исключено даже, поскольку мы общались достаточно тесно, что в каком-то разговоре проскочил и Нью-Йорк, и то, что у меня турагентство. Я, разумеется, слежу, чтобы не сообщать о себе посторонним никаких подробностей. Но мы же при Мохове с Лешкой часто трепались, так что теперь трудно сказать, какие еще детали обо мне он мог запомнить. И он без труда узнает меня по фотографии.

Однако почему я решил, что он только сейчас начнет сдавать своих бывших коллег? Кто знает, возможно, он завербован уже давным-давно. Он мог передать все известные ему данные на меня много лет назад, и мое досье лежит сейчас в чьем-то сейфе в нью-йоркском офисе ФБР. И каждый мой шаг вносится в то же досье благодаря уличным видеокамерам, которыми утыкан весь Манхэттен, и благодаря содействию оператора мобильной связи, отслеживающего перемещения моего телефона. Не говоря уже о банковских выписках по операциям с моих кредитных карт, о пограничных службах разных стран и о спутниках, распознающих арендованную машину в любой части света. Если

меня до сих пор не арестовали, это не значит, что меня не раскрыли. Вполне возможно, ФБР хочет сначала установить все мои связи, а потом взять с поличным на тайной операции. Но контрразведчики понимают, что теперь, когда «крот» по фамилии Мохов ушел на Запад, меня немедленно предупредят и тянуть с арестом уже не будет смысла. Меня могут взять прямо здесь, вон те два латиноса в дурацких цветастых бермудах — ведь только в кино агенты ФБР ходят в строгих костюмах с белой рубашкой и галстуком.

Компьютер сообщил, что оплаченное мной время истекает. Я поспешно залез в систему и очистил кеш-память, чтобы никто не смог посмотреть, на какие сайты я заходил. Потом сунул айфон в карман и вышел в солнечный апрельский день.

Я никогда не паникую. Тут нет моей личной заслуги или успешного прохождения специального тренинга. Это свойство нервной ткани, полученной мной по цепочке генов от своих родителей и предков. Хотя, возможно, что и моя приверженность множеству философских учений от Будды до Шопенгауэра воспитала во мне отстраненность, которая позволяет разуму работать в штатном режиме.

Первое обстоятельство. Если меня уже пасут, нельзя проявлять нервозность. У наружников из ФБР может быть конкретное указание немедленно задержать меня, если я замечу хвост. Более того, я не знаю, какими силами ведется наблюдение, и неизвестно, мыслимо ли вообще от него уйти. Засечь топтунов я могу и не выдавая себя. А если не делать резких движений, какое-то время после задержания можно поиграть в оскорбленную невинность. В конце концов, у ФБР не обязательно будут против меня неопровержимые улики.

Второе. План А вводится в действие, когда есть уверенность или по крайней мере очень серьезные подозрения, что меня сдали. Эсквайр же пишет о плане Б. Он предусматривает мой самостоятельный выезд из страны, не исключающий возвращения в нее. То есть мне предстоит придумать предлог, позволяющий оставить дом и работу на какое-то время, пока ситуация не прояснится. Однако до тех пор я должен быть вне досягаемости для ФБР. Теоретически можно переждать в Никарагуа, Венесуэле, Китае или другой стране, где выкрасть меня не удастся. Однако мне лучше всего окольными путями добраться до Москвы. Только на родине я буду в полной безопасности. Ужас в том, что, если ситуация не нормализуется, мне придется остаться там навсегда.

С сыном я не думаю, что мы потеряемся по жизни. Да и моя любимая теща Пэгги, мне кажется, от меня не откажется. А вот Джессика... Это ведь ее безоглядное доверие я предавал и предаю каждый день. Она с открытым сердцем приняла кубинского диссидента, захочет ли она принять русского шпиона? Человека, кто врал ей двадцать с лишним лет, который построил на лжи всю нашу совместную жизнь? Вопрос даже не в том, готова ли она в случае моего провала все бросить и приехать жить в Москву. Сможет ли она меня простить? Нет, такие мысли лучше гнать из головы!

Однако был вариант и похуже — американская тюрьма, возможно пожизненно. Конечно, если меня арестуют, главный вопрос снимается — Джессика узнает. И тогда семью я могу потерять с тем же успехом, только уже вместе со свободой. Так что на самом деле выбора у меня не было. Если такая возможность еще существовала, мне надо было срочно выбираться из страны.

От Центрального вокзала до нашего дома в Верхнем Ист-Сайде, на 86-й улице, пешком идти меньше часа. Столько же времени понадобилось мне, чтобы выработать план действий.

Самый важный на тот момент из наших клиентов сейчас отдыхал в Англии. Человека звали Спиридон Каппос. Это был греческий магнат лет сорока пяти, который получил в наследство целый торговый флот, плавающий под дюжиной флагов. Он еще в молодости влюбился в Нью-Йорк и поселился здесь, какими-то простыми для сильных мира сего путями получив американский паспорт, оставаясь гражданином Греции. Мы познакомились с ним по цепочке через старых клиентов лет пять назад, и теперь он хотя бы раз в году непременно отправлялся по составленному для него индивидуальному туру через наше агентство Departures Unlimited.

Спиридон — я с ним однажды даже сам ездил по Италии — был неумным, почти одержимым меломаном. Он в молодости оканчивал дирижерский факультет в Берлинской консерватории, когда на него свалилось наследство — не только огромное состояние, но и связанная с ним ответственность. Однако музыка осталась страстью его жизни. Сейчас он поехал в Соединенное Королевство, чтобы — помимо ежевечерней

оперы или филармонического концерта — посетить там все места, связанные с Пёрселлом, Генделем, «лондонским» Бахом (Иоганном Кристианом), маленьким Моцартом, Гайдном и с современными композиторами, часть из которых я даже не знаю по имени. С большим отрывом от настоящей страсти шла и некоторая слабость Спиридона, во всех прочих отношениях чрезвычайно прагматичного, даже циничного бизнесмена. Мы всегда заказываем билеты и отели на него и еще трех милейших девушек, чей состав — но не количество — меняется на каждой поездке. Скорее даже, гораздо чаще — просто мы сталкиваемся с данным фактом раз в год.

— Это не потому, что я любитель оргий, — сказал мне как-то неумный грек. — Просто иначе невозможно. У всех эскортниц любимый фильм — «Красотка». Если ты берешь с собой в поездку одну девушку, на второй — на третий день у нее так или иначе появляются насчет тебя всякие мысли. Две девушки — еще хуже. Они становятся соперницами, каждая думает, что у другой уж точно что-то получается в желаемом направлении. А когда их три, ни одна ни на что не надеется и в нашей компании всегда царит полная гармония.

Однако для Спиридона эта сторона поездок абсолютно вторична — он ведь к тому же не женат, ему, чтобы оторваться, не нужно уезжать из дома. Да и для нашего агентства, будь так со всеми клиентами, подобные холостяцкие путешествия приводили бы скорее к репутационным потерям. Потому что мы готовим туры преимущественно для женатых пар с явно выраженными культурными запросами. В поездках их сопровождают лишь самые авторитетные специалисты в той или иной области. А Спиридон безусловно попадал

в категорию фанатов. В Англии его водил Джеймс Литтон, выдающийся музыковед, автор ряда монографий по композиторам позднего барокко и, точно не помню, вице-председатель или почетный секретарь Общества друзей церкви Святого Мартина в полях, этой музыкальной Мекки британской столицы.

Так вот, придумал я для Джессики, Литтон неожиданно загремел в больницу с подозрением на желчно-каменную болезнь. Нужно было срочно подыскать ему достойную замену, а пока предложить свою не столь же компетентную, но по крайней мере не менее увлеченную музыкой компанию. Элис, свою восхитительную некогда помощницу, а теперь уже и младшего партнера, послать на выручку я не мог — она любит блюз и регги. А мы держимся за каждого своего клиента, даже если он не так неприлично богат, как Спиридон. Поэтому моя жена не удивится, если я самолично и срочно полечу закрывать брешь.

Джессика не удивилась. У нас ведь вообще идеальный брак. Мы живем так, как дышится, зная, что другой тебя во всем поддержит.

— Солнышко, а почему бы тебе тоже не отдохнуть там несколько дней? — предложила она. — Ну, я не могу утверждать про Бриттена и Хиндемита, но Генделя ты же любишь? И Моцарта. И в Ковент-Гарден ходишь.

— Так, может, и тебе со мной полететь?

Это опять вылезает наружу подлость моей — не природы, ситуации. Я прекрасно знаю, что Джессика, с тех пор как Бобби стал взрослым, ни за что не оставит его одного. Раньше, маленького, она еще могла отвезти на несколько дней к своей матери в Хайаннис-Порт. Но сейчас Бобби в университете, с занятий его

не сорвешь, а предоставить любимого сыночка самому себе она не захочет. Бобби как раз очень славный мальчик, проблем с ним не было даже в возрасте подростковых бунтов. Но материнскому сердцу надо тревожиться, Джессикиному сердцу по крайней мере. А мне приходится предложить ей поехать со мной, потому что при наших отношениях иначе было бы странно.

Джессика на секунду задумывается. Зная ее, как знаю ее я, она вспомнила о трех супермоделях, сопровождающих Спиридона во всех его поездках. Но сомнения длится ровно секунду.

— Да нет, куда я поеду? У Бобби экзамены на носу. Я вздыхаю, на сей раз искренне:

— Мы хотели пойти поужинать вместе.

— А тебе что, прямо сейчас надо лететь?

— Чем раньше, тем лучше.

Джессика подходит и целует меня в губы. У нее — не знаю, объяснимо ли это научно, — в любое время года дыхание пахнет малиной.

— Тогда поезжай. Не думай ни о чем.

Я не зря занимаюсь туристическим бизнесом. Все интернетовские формы у меня заранее заполнены, и купить билет на ближайший рейс в Лондон заняло три минуты — десяток кликов мыши. До приезда такси у меня едва было время закинуть в чемодан вещи — мой самолет взлетал через три часа из Кеннеди.

— Ты вернешься на Пасху? — спросила Джессика, наблюдающая за моими лихорадочными сборами.

Джессика — искренне верующая католичка, для нее такие вещи важны.

— Конечно. Может, даже раньше.

— Приезжай на Пасху, — великодушно сказала она.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru